

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2026.6.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.12)

EDN [QVGAZD](https://edn.vvga.ru/EDN/QVGAZD)

Научная статья

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ МЕХАНИЗМОВ В КИТАЕ

Воробьева О. Д.

МГУ имени М. В. Ломоносова; Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

E-mail: 89166130069@mail.ru

Сун Сюань

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: songxiuyan1004@gmail.com

Для цитирования: Воробьева, О. Д. Институциональная теория и семейная поддержка: взаимодействие государственной политики и внутрисемейных механизмов в Китае / О. Д. Воробьева, Сюань Сун // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 3. С. 198–211. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.12). EDN [QVGAZD](https://edn.vvga.ru/EDN/QVGAZD).

Аннотация. В статье анализируется трансформация института семьи в Китайской Народной Республике (КНР) через призму институциональной теории и механизмов государственной поддержки. Это и составляет предмет научной работы, в которой рассматривается эволюция подходов от жесткого контроля рождаемости к пронаталистскому курсу и стратегии «рефамилизации». Цель исследования – уделить особое внимание противоречию между официальными политическими директивами и реальными адаптивными стратегиями домохозяйств в условиях демографического старения и урбанизации. В основу анализа положена гипотеза о появившейся на протяжении последних десятилетий дисфункции текущей модели социальной поддержки. Используются нормативные документы и данные социологических опросов, на основе которых выявляются противоречия между современными запросами общества и социальной реальностью в отношении поддержки пожилых людей. Впервые показано, что трансформация семейной структуры, кризис традиционной этики «сяо» и растущие издержки воспитания детей создают системный вызов, на который государство пока не дает адекватного ответа. Перспективы преодоления кризиса видятся не в возврате к патриархальной модели, а в формировании гибридной системы, где государственная поддержка не заменяет, а дополняет и усиливает внутренние ресурсы семьи. Предлагаются пути гармонизации государственных ресурсов и внутрисемейного потенциала ухода.

Ключевые слова: семейная политика, Китай, институциональная теория, демографический переход, поддержка рождаемости, старение населения, рефамилизация

Введение

Современная демографическая ситуация в Китайской Народной Республике представляет собой уникальный кейс для социологического и управленческого анализа: в стране в сжатые исторические сроки произошел переход от традиционной

модели расширенного воспроизводства к суженному. Глубинная трансформация социально-экономического уклада, сопряженная с длительным периодом реализации жесткой политики планирования рождаемости, привела к фундаментальным изменениям в структуре семьи как базового социального института. Семья в Китае традиционно выступала не просто ячейкой общества, а центральным элементом системы социального обеспечения, выполняя функции, которые в западных моделях государства всеобщего благосостояния часто делегируются публичным институтам.

Теоретические основы

Современные исследования семейной политики в мировой демографии свидетельствуют о существенном расширении ее содержания. Если ранее государственное воздействие на семью рассматривалось преимущественно в контексте воспроизводства населения, материальной поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости, то в условиях устойчивой низкой рождаемости все большее значение приобретают оплачиваемые отпуска, услуги по уходу за детьми, меры по согласованию профессиональной и семейной жизни, поддержка семейного ухода. А. Н. Gauthier и S. Gietel-Basten отмечают, что цели и эффективность подобных мер существенно различаются между странами и зависят от сложившихся институциональных, социально-экономических и демографических условий [1]. Поэтому соответствующая сегодняшнему дню семейная политика не представляет собой универсальный набор инструментов: ее содержание определяется этапом демографического развития, особенностями системы социальной защиты, рынка труда и национальными представлениями о распределении ответственности между государством и семьей.

Национальные различия отчетливо проявляются в европейских странах. К. А. Субхангулова показывает, что государства Центральной и Восточной Европы, несмотря на сходные проблемы низкой рождаемости и естественной убыли населения, используют различные комбинации материальной поддержки, отпусков по уходу и услуг для семей с детьми, что связано с экономическими возможностями, историческими траекториями и особенностями социальной политики [2]. Сравнение России, Польши и Венгрии также показывает, что близкие пронаталистские цели не приводят к формированию идентичных моделей поддержки: используемые инструменты различаются как по механизмам воздействия, так и по социальным последствиям [3]. Тем самым современная европейская дискуссия постепенно смещается от оценки отдельных финансовых стимулов к анализу комплексных условий семейной жизни — доступности услуг, положения родителей на рынке труда и возможности сочетать профессиональные и семейные обязанности.

Своя институциональная траектория характерна для стран Восточной Азии, где исключительно низкая рождаемость сочетается с высокой интенсивностью занятости и сохраняющейся культурной значимостью брака и семейной ответственности. S. Yuu отмечает, что даже в рамках данного региона национальные модели существенно различаются: Республика Корея в большей степени расширяет доступность семейной поддержки, тогда как Япония и Сингапур длительное время использовали более селективные механизмы. Вместе с тем общей тенденцией последних лет

становится переход от отдельных пронаталистских стимулов к более комплексной системе поддержки семьи [4]. Исследование S. Wang и H. Dong на материалах Сингапура подтверждает возрастающую роль трудовых институтов: гибкие формы занятости и снижение конфликта между работой и семейными обязанностями способны положительно влиять на репродуктивные намерения, особенно женщин [5]. Таким образом, даже общества со сходными демографическими проблемами и культурными предпосылками формируют различные институциональные ответы.

Демографическое старение еще больше расширяет содержание современной семейной политики. Увеличение продолжительности жизни приводит к тому, что поколения репродуктивного возраста одновременно несут ответственность за воспитание детей и помощь стареющим родителям. E. Lazzari и V. Zurla обращают внимание на то, что принятие на себя обязанностей по уходу за пожилыми родителями может снижать репродуктивные ожидания взрослых детей, поскольку семейные временные и материальные ресурсы оказываются ограниченными [6]. В результате проблемы рождаемости, родительства и поддержки пожилых нельзя рассматривать как полностью изолированные направления социальной политики. Современная семейная политика все в большей степени должна учитывать распределение ресурсов и обязанностей между поколениями на протяжении жизненного цикла семьи.

Китайская семейная политика развивается в рамках специфической институциональной траектории. В отличие от большинства европейских стран, в КНР в течение длительного периода государственное воздействие было ориентировано на прямое административное регулирование репродуктивного поведения, тогда как переход к политике двух, а затем трех детей потребовал принципиальной смены целей – от ограничения рождаемости к формированию условий ее поддержки. Чжан Жуйцзюань и соавторы отмечают, что современная китайская политика постепенно расширяется от регулирования собственно рождения к поддержке беременности, ухода за детьми и их воспитания, хотя различные элементы данной системы остаются развитыми неравномерно [7]. Ду Ян, Чэн Цзе и Цюй Юэ подчеркивают необходимость более согласованного распределения ответственности между различными уровнями государства и указывают на конфликт между рождением детей и положением женщин на рынке труда как одно из важных институциональных ограничений [8].

Однако специфика современной китайской ситуации определяется не только устойчиво низкой рождаемостью. Ян Цзюйхуа связывает изменение возможностей семейной поддержки с уменьшением размеров домохозяйств, сокращением числа совместно проживающих поколений, распространением семей «пустого гнезда», старением семейного состава и диверсификацией форм семьи [9]. В этих условиях уменьшается ресурсная база традиционных внутрисемейных механизмов поддержки. Исследование Сунь Цзюаньцзюань, Тянь Цзяинь и Чэнь Юйсинь демонстрирует, что развитие услуг по уходу за пожилыми родителями способно частично замещать отдельные виды инструментальной помощи взрослых детей, но не устраняет значения семьи как субъекта межпоколенческой поддержки [10]. Цай Юймэй и Чэнь Гун, в свою очередь, выявляют связь между нагрузкой по уходу за старшим поколением и откладыванием рождения первого ребенка, что свидетельствует

о конкуренции за ограниченные ресурсы внутри домохозяйства [11]. Следовательно, низкая рождаемость и демографическое старение в Китае образуют взаимосвязанный комплекс проблем, требующий согласования политики поддержки детей, занятости, социального обеспечения и ухода за пожилыми.

Для объяснения указанных процессов в настоящем исследовании используется институциональный подход, согласно которому поведение семьи формируется во взаимодействии формальных и неформальных институтов. Формальные институты – государственная политика, законодательство и система социальной поддержки – задают нормативные и ресурсные рамки семейного поведения, тогда как неформальные институты, включая культурные нормы и представления о межпоколенческой ответственности, определяют способы распределения обязанностей внутри семьи [12]. Одновременно демографическая трансформация изменяет саму структуру и ресурсные возможности домохозяйства: снижение рождаемости, индивидуализация семейного поведения и изменение межпоколенческих отношений создают новые ограничения для традиционной модели семейной поддержки [13].

Таким образом, семейная политика может рассматриваться как исторически изменяющаяся и национально специфичная институциональная система, формирующаяся под воздействием демографических, экономических, политических и социокультурных условий. Применительно к Китаю центральное противоречие заключается в том, что государство переходит от политики ограничения репродуктивной функции семьи к политике ее поддержки в условиях, когда структура, ресурсы и модели поведения самой семьи уже существенно изменились. Поэтому ключевым для анализа становится вопрос о том, каким образом государственные институты могут не только регулировать семейное поведение, но и дополнять ограниченные внутрисемейные ресурсы, сохраняя потенциал межпоколенческой поддержки. Данная теоретическая позиция позволяет перейти к рассмотрению институциональной трансформации взаимодействия государства и семьи в КНР.

Институциональная трансформация семейной поддержки в Китае

В современных условиях наблюдается институциональный парадокс: государство, ранее стремившееся ограничить репродуктивную функцию семьи, в настоящее время вынуждено искать механизмы ее поддержки и стимулирования, что происходит в условиях инерции социальных установок и структурных ограничений. В рамках институциональной теории семья рассматривается как субъект, встроенный в сложную систему взаимодействий с государством и рынком. Исследователи признают, что демографическая политика Китая изменялась от контроля численности населения к поощрению рождаемости, но само решение о рождении ребенка и уходе за пожилыми родственниками принимается внутри семьи и зависит от множества эндогенных и экзогенных факторов [14, с. 93]. Для понимания динамики взаимодействия государственной политики и внутрисемейных механизмов целесообразно систематизировать этапы эволюции отношения государства к институту семьи в КНР (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция подходов государства к регулированию института семьи в КНР

Table 1

Evolution of government approaches to regulating the institution of family in China

Временной период	Характеристика этапа	Ключевые институциональные установки	Доминирующая парадигма
1950–1970-е гг.	Поощрение рождаемости с последующим переходом к мягкому контролю	Семья как источник трудовых ресурсов. Коллективистские механизмы поддержки	Традиционная / Раннеиндустриальная
1979–2013 гг.	Жесткое планирование рождаемости	Политика «Одна семья – один ребенок». Административный контроль репродуктивного поведения	Контроль и сдерживание (Дефамилизация)
2013–2015 гг.	Частичная либерализация	Политика «Двух детей для супругов, где один – единственный ребенок»	Переходная / Корректирующая
2016–2021 гг.	Универсальная политика двух детей	Политика «Всеобщего второго ребенка». Начало формирования мер поддержки	Стимулирование (Начало рефамилизации)
С 2021 г. по наст. время	Политика трех детей и активная поддержка	Комплексная оптимизация политики рождаемости. Акцент на снижении издержек семьи	Пронатализм и всесторонняя поддержка

Источник: составлено авторами по материалам [14]

Результаты и обсуждение

После перехода к политике трех детей государственная поддержка постепенно вышла за рамки изменения допустимого числа рождений. Поправки к Закону о народонаселении и планировании семьи 2021 г. предусматривают меры в сфере финансовой, налоговой, страховой, образовательной, жилищной и трудовой поддержки семей, развитие общедоступной системы ухода за детьми раннего возраста и возможность введения родительских отпусков на региональном уровне. Тем самым институциональный акцент был смещен с административного регулирования рождаемости на снижение издержек рождения и воспитания детей.

Реализация таких мер постепенно приобретает более конкретный характер. С 2025 г. введена общенациональная система пособий по уходу за детьми в возрасте до трех лет с базовым размером 3600 юаней в год на каждого ребенка; предусмотрены как онлайн-, так и офлайн-механизмы подачи заявлений и последующего предоставления выплат. В 2026 г. Министерство здравоохранения КНР сообщило о продолжении реализации программы и продлении сроков подачи заявлений для части семей, что свидетельствует о переходе отдельных мер от нормативного закрепления к практическому функционированию. В то же время наличие новых инструментов само по себе пока не позволяет говорить об устойчивом демографическом эффекте.

Нынешний этап характеризуется поиском баланса между государственным патернализмом и субсидиарной ответственностью семьи. Государство признает, что социализированная модель ухода не может полностью заместить внутрисемейные механизмы солидарности. Семейный уход обладает естественными преимуществами и культурной легитимностью, однако его ресурсная база истощена структурными изменениями и рыночным давлением [15, с. 99]. Институциональная теория в данном контексте служит инструментом для анализа того, как государственные интервенции могут не замещать, а дополнять и усиливать внутренние ресурсы домохозяйств.

Структурные трансформации китайской семьи и кризис традиционных механизмов поддержки

Глубинная трансформация демографического ландшафта Китая привела к фундаментальным изменениям в архитектуре семейных связей. Современная статистика подтверждает сохранение обозначенных демографических ограничений. По данным Государственного статистического управления КНР, в 2025 г. в стране родилось 7,92 млн человек, коэффициент рождаемости составил 5,63‰, а естественный прирост населения снизился до –2,41‰. Одновременно численность населения в возрасте 60 лет и старше достигла 323,38 млн человек, или 23,0% населения, а доля лиц в возрасте 65 лет и старше составила 15,9%. С учетом вышеизложенного констатируем: расширение мер поддержки рождаемости происходит одновременно с дальнейшим углублением старения населения и сокращением демографической базы внутрисемейной поддержки. Традиционная модель расширенной семьи уступает место нуклеарным формам, что создает серьезные вызовы для устойчивости межпоколенческой поддержки. Согласно данным переписей населения, средний размер домохозяйства в КНР неуклонно сокращается, достигнув показателя менее трех человек [14, с. 93]. Наиболее острой проблемой стало формирование семейной структуры типа «4–2–1» (четыре прародителя, два родителя, один ребенок), создающей ситуацию «перевернутой пирамиды» заботы. Для анализа ресурсного дефицита целесообразно рассмотреть распределение функциональной нагрузки между государством и семьей (табл. 2).

Таблица 2

Распределение функциональной нагрузки в системе поддержки уязвимых членов семьи (модель «ресурсы – услуги»)

Table 2

Distribution of functional workload in the support system for vulnerable family members (resources-services model)

Тип ресурса / Услуги	Роль семьи (Традиционная и текущая)	Роль государства (Институциональная задача)	Текущие дисфункции взаимодействия
Финансовый капитал	Основной источник дохода для сельских пожилых и детей. Прямые трансферты	Пенсионное обеспечение, пособия, налоговые вычеты	Низкий уровень пенсий в селе вынуждает пожилых полагаться на детей [16, с. 69]
Человеческий капитал (Уход)	Физический уход и присмотр за детьми. Труд бабушек и дедушек	Развитие сети учреждений по уходу, подготовка кадров	Дефицит доступных госучреждений. Недостаточная квалификация семейных опекунов [15, с. 102]
Эмоциональная поддержка	Психологический комфорт, сохранение привычной среды («старение на дому»)	Создание инклюзивной среды, клубы для пожилых	Государство практически не участвует в обеспечении эмоционального благополучия
Временной ресурс	Затраты времени членов семьи на уход в ущерб работе	Введение гибких графиков, отпусков по уходу	Отсутствие эффективных механизмов баланса «работа – семья»

Источник: составлено авторами по материалам [15; 16]

В таком контексте научный дискурс в Китае все чаще обращается к необходимости «рефамилизации» – стратегии, направленной на возвращение семье части функций по уходу, но при условии мощной государственной подпитки [17, с. 75]. Это

подразумевает создание институциональной среды, в которой выполнение семейных обязанностей не ведет к социальному исключению или бедности.

Экономический детерминизм и трансформация репродуктивного поведения

Переход китайского общества к постиндустриальной фазе сопровождается сдвигом в мотивации репродуктивного поведения, где доминирует экономическая рациональность. Ребенок становится объектом значительных финансовых вложений с отложенной отдачей. Исследования подтверждают разрыв между репродуктивными намерениями и реальным поведением: значительная часть семей отказывается от рождения второго или третьего ребенка, руководствуясь прагматичными соображениями [17, с. 71]. Исторический контекст политики «одна семья – один ребенок» сформировал устойчивые социальные стереотипы, сместив акцент с количества детей на качество их воспитания [18].

Специфика модернизации китайской семьи определяется сочетанием активной роли государства и сохраняющегося влияния традиционных конфуцианских ценностей на семейное поведение [19]. Вместе с тем трансформация внутрисемейных ролей, ослабление патриархальной иерархии и изменение представлений о семейной ответственности ограничивают эффективность опоры исключительно на традиционные механизмы без достаточной экономической и институциональной поддержки [20, с. 101]. Факторы, сдерживающие реализацию политики «трех детей», можно систематизировать по уровням институционального сопротивления (табл. 3).

Таблица 3

Уровни институционального сопротивления реализации пронаталистской политики в КНР

Table 3

Levels of institutional resistance to the implementation of pro-natalist policies in China

Уровень анализа	Характер противоречия	Проявление в социальных практиках
Макроуровень	Разрыв между декларациями и бюджетом	Недостаточные инвестиции в социальную инфраструктуру детства при провозглашении курса на поддержку рождаемости
Мезоуровень	Конфликт интересов рынка и семьи	Дискриминация женщин, культура переработок («996»), отсутствие гибких форм занятости
Микроуровень	Трансформация ценностей	Выбор стратегии DINK, откладывание брака, восприятие многодетности как снижения качества жизни

Источник: составлено авторами по материалам [17; 21]

Особый интерес представляет попытка государства осуществить «пронаталистский поворот», опираясь на возврат к традиционным ценностям. Однако эксперты отмечают, что в условиях завершенного демографического перехода призывы к традиционности наталкиваются на новую социальную реальность [21, с. 58].

Административно-управленческие механизмы реализации семейной политики

Анализ институциональной среды семейной поддержки в Китае выявляет высокую степень фрагментарности управления. Политика поддержки семьи распределена между множеством ведомств, что приводит к отсутствию единой системы и преобладанию «экстренных» мер над профилактическими [22, с. 124]. Система

настроена на реакцию в кризисных ситуациях, в то время как «обычная» семья выпадает из поля зрения государственной поддержки [15, с. 104].

Ключевой проблемой является несоответствие между законодательными императивами и реальными возможностями правоприменения. Попытка юридически закрепить моральную обязанность детей посещать родителей (Закон о защите прав пожилых) свидетельствует о кризисе неформальных институтов, но без экономической базы подобные нормы остаются декларативными. Структура применяемых управленческих инструментов представлена в табл. 4.

Таблица 4

Классификация инструментов государственной политики поддержки семейного ухода в КНР

Table 4

Classification of government policy instruments to support family care in China

Категория инструментов	Содержание и механизмы реализации	Ограничения и дисфункции
Нормативно-правовые	Законы о защите прав пожилых, женщин и детей. Введение «отпуска по уходу за родителями»	Отсутствие жестких санкций за неисполнение. Слабая правовая защита опекунов
Финансово-экономические	Система минимального обеспечения, налоговые вычеты, субсидии	Ориентация на адресную помощь беднейшим слоям. Недостаточный размер льгот для среднего класса
Сервисные	Развитие сети столовых для пожилых, дневных стационаров, интеграция медицины и ухода	Территориальное неравенство: дефицит услуг в сельских и западных районах
Социокультурные	Пропаганда семейных ценностей, поощрение «образцовых семей»	Низкая эффективность в условиях доминирования рыночных ценностей

Источник: составлено авторами по материалам [18; 19]

Итак, административно-управленческая система КНР находится в стадии поиска эффективной модели. Переход от директивного управления к созданию благоприятной среды требует перестройки межведомственного взаимодействия и смещения фокуса с контроля численности населения на повышение качества жизни домохозяйств.

Специфика семейной поддержки на сельских и городских территориях

Институциональный анализ выявляет глубокую дихотомию между городскими и сельскими моделями, обусловленную системой «хукоу» и неравномерностью развития. В сельской местности, где традиционные устои подвергаются эрозии из-за оттока населения, формируется специфическая уязвимость. Феномен «оставленных» пожилых людей и детей стал прямым следствием стратегии выживания сельских домохозяйств. Финансовый капитал от денежных переводов мигрантов часто недостаточен для компенсации утраченного социального капитала [23, с. 3]. Различия в механизмах функционирования семейной поддержки представлены в табл. 5.

Таблица 5

Сравнительная характеристика моделей семейной поддержки в городской и сельской местности КНР

Table 5

Comparative characteristics of family support models in urban and rural areas of China

Критерий сравнения	Городская модель	Сельская модель
Структура семьи	Нуклеарная, высокая доля DINK	Расширенная, фрагментированная миграцией
Источник дохода пожилых	Пенсии, активы	Помощь детей, минимальные пособия, приусадебное хозяйство
Стратегия ухода за детьми	Интенсивное родительство, инвестиции в образование	Делегированное родительство (воспитание прауродителями)
Институциональные дефициты	Нехватка яслей, проблема баланса «работа – семья»	Дефицит медицинских услуг и ухода

Источник: составлено авторами по материалам [15; 16; 18]

Преодоление дуализма в системе социальной защиты и обеспечение равного доступа к базовым услугам ухода независимо от места проживания становится важнейшим условием для восстановления функциональности института семьи.

Перспективы развития институциональной системы семейной поддержки

Проведенный анализ позволяет констатировать, что Китай находится в точке бифуркации. Сложившаяся система поддержки оказывается неспособной эффективно компенсировать издержки семьи в условиях рынка. Ключевой вывод заключается в том, что возврат к традиционной модели семейной солидарности невозможен без масштабных государственных инвестиций. Задача государства состоит в создании среды, где выбор в пользу многодетности и заботы о старшем поколении становится экономически рациональным [17, с. 77]. Для преодоления дисфункций необходима комплексная модернизация (табл. 6).

Таблица 6

Стратегические направления совершенствования системы семейной поддержки в КНР

Table 6

Strategic Directions for Improving the Family Support System in China

Направление политики	Целевые ориентиры и механизмы	Ожидаемый эффект
Управленческая интеграция	Создание единого координационного органа	Устранение фрагментарности, целостная стратегия
Экономическая декоммодификация	Прогрессивные налоговые вычеты, субсидирование жилья	Снижение «налога на родительство» и рисков бедности
Сервисная трансформация	Сеть яслей, система долговременного ухода	Снижение нагрузки на женщин, баланс «карьера – семья»
Правовая защита	Защита прав работников с семейными обязанностями	Легитимизация домашнего труда, снижение дискриминации

Источник: составлено авторами по материалам [17; 23]

Реализация предложенных мер требует смены управленческой парадигмы: от восприятия семьи как инструмента решения государственных задач к партнерской модели, где государство инвестирует в устойчивость домохозяйств. В этой

связи Вэй Жочжу подчеркивает, что эффективность управления семейной политикой напрямую зависит от учета социокультурных факторов и специфики ментальности, однако в условиях модернизации традиционные регуляторы (такие как «сяо») должны быть подкреплены современными институтами социального обеспечения [22, с. 185].

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует фундаментальное противоречие современной семейной политики Китая: переход к пронаталистской модели осуществляется преимущественно административными методами, унаследованными от предыдущего этапа, тогда как новая демографическая реальность требует сложных экономических и социальных механизмов поддержки. Трансформация семейной структуры, кризис традиционной этики «сяо» и растущие издержки воспитания детей создают системный вызов, на который государство пока не дает адекватного ответа.

Перспективы преодоления кризиса видятся не в возврате к патриархальной модели, а в формировании гибридной системы, где государственная поддержка не заменяет, а усиливает внутренние ресурсы семьи. Основными направлениями такой политики должны стать финансовая декоммодификация родительства, развитие инфраструктуры ухода и эффективная правовая защита семей с детьми.

Таким образом, устойчивость социальной системы Китая будет зависеть от способности государства перейти от логики контроля к стратегии партнерства, создающей условия, при которых демографические интересы общества совпадают с рациональным выбором отдельной семьи.

Список литературы

1. Gauthier, A. H. Family Policies in Low Fertility Countries: Evidence and Reflections / A. H. Gauthier, S. Gietel-Basten // Population and Development Review. 2024. DOI [10.1111/padr.12691](https://doi.org/10.1111/padr.12691). EDN [IVEMFY](https://www.edn.ru/IVEMFY).
2. Субхангулова, К. А. Семейная политика в странах Центральной и Восточной Европы в 2000–2020-х годах // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11, № 2. С. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). EDN [QNFTPU](https://www.edn.ru/QNFTPU).
3. Cook, L. J. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary / L. J. Cook, E. R. Iarskaia-Smirnova, V. A. Kozlov // Social Policy and Society. 2023. Vol. 22, № 2. Pp. 355–375. DOI [10.1017/s1474746422000628](https://doi.org/10.1017/s1474746422000628). EDN [WMZDIK](https://www.edn.ru/WMZDIK).
4. Ryu, S. Unravelling Variations in 21st Century East Asia's Pronatalist Family Policy through the Lens of Inclusiveness // Journal of International and Comparative Social Policy. 2025. Vol. 40, № 3. Pp. 303–321. DOI [10.1017/ics.2025.7](https://doi.org/10.1017/ics.2025.7).
5. Wang, S. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore / S. Wang, H. Dong // European Journal of Population. 2024. Vol. 40, № 1. P. 33. DOI [10.1007/s10680-024-09719-1](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09719-1). EDN [WKPQCU](https://www.edn.ru/WKPQCU).
6. Lazzari, E. The Effect of Parental Caregiving on the Fertility Expectations of Adult Children / E. Lazzari, V. Zurla // European Journal of Population. 2024. Vol. 40, № 1. P. 35. DOI [10.1007/s10680-024-09724-4](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09724-4). EDN [NIRBOF](https://www.edn.ru/NIRBOF).
7. 张瑞娟、高秀娟、刘金菊、肖婷：《中国生育支持政策：现状与展望》、《人口学刊》。2025年。第47卷、第3期、第45–86页。DOI [10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002](https://doi.org/10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002).
8. 都阳、程杰、曲玥：《生育支持政策的中央事权与顶层设计》、《人口研究》。2024年。第48卷、第2期、第3–16页。

INSTITUTIONAL THEORY AND FAMILY SUPPORT: THE INTERACTION OF STATE POLICY AND INTRA-FAMILY MECHANISMS IN CHINA

Olga D. Vorobyeva

*Lomonosov Moscow State University; Institute of Social Demography FCTAS RAS,
Moscow, Russia*

E-mail: 89166130069@mail.ru

Xiuyan Song

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: songxiuyan1004@gmail.com

For citation: Vorobyeva, O. D., Song, X. Institutional Theory and Family Support: The Interaction of State Policy and Intra-Family Mechanisms in China. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 3. Pp. 198–211. DOI [10.19181/demis.2026.6.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.3.12). (In Russ.)

Abstract. The article examines the transformation of the family institution in the People's Republic of China through the lens of institutional theory and state support mechanisms. This constitutes the subject of the study. It traces the evolution of policy approaches from strict birth control to a pro-natalist orientation and the strategy of “refamilialisation”. The aim of the research is to focus on the tension between official policy directives and the actual adaptive strategies of households against the backdrop of demographic ageing and urbanisation. The study is premised on the hypothesis that the current model of social support has become dysfunctional over recent decades. Drawing on normative documents and sociological survey data, the article reveals contradictions between contemporary societal demands and social realities regarding support for the elderly. For the first time, it is shown that the transformation of family structure, the crisis of traditional xiao (filial) ethics, and rising costs of child-rearing constitute a systemic challenge to which the state has not yet provided an adequate response. The prospects for overcoming this crisis are seen not in a return to the patriarchal model, but in the formation of a hybrid system in which state support does not replace, but rather complements and strengthens the family's internal resources. The article proposes ways to harmonise public resources with the intra-familial care potential.

Keywords: family policy, China, institutional theory, demographic transition, fertility support, population aging, refamilization

References

1. Gauthier, A. H., Gietel-Basten, S. Family Policies in Low Fertility Countries: Evidence and Reflections. *Population and Development Review*. 2024. DOI [10.1111/padr.12691](https://doi.org/10.1111/padr.12691).
2. Subkhangulova, K. A. Family Policy in Central and Eastern European Countries in the 2000–2020-s. *Demographic Review*. 2024. Vol. 11, No. 2. Pp. 44–61. DOI [10.17323/demreview.v11i2.21826](https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21826). (In Russ.).
3. Cook, L. J., Iarskaia-Smirnova, E. R., Kozlov, V. A. Trying to Reverse Demographic Decline: Pro-Natalist and Family Policies in Russia, Poland and Hungary. *Social Policy and Society*. 2023. Vol. 22, No. 2. Pp. 355–375. DOI [10.1017/S1474746422000628](https://doi.org/10.1017/S1474746422000628).
4. Ryu, S. Unravelling Variations in 21st Century East Asia's Pronatalist Family Policy through the Lens of Inclusiveness. *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2025. Vol. 40, No. 3. Pp. 303–321. DOI [10.1017/ics.2025.7](https://doi.org/10.1017/ics.2025.7).
5. Wang, S., Dong, H. Flexible Working Arrangements and Fertility Intentions: A Survey Experiment in Singapore. *European Journal of Population*. 2024. Vol. 40. No. 1. P. 33. DOI [10.1007/s10680-024-09719-1](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09719-1).
6. Lazzari, E., Zurla, V. The Effect of Parental Caregiving on the Fertility Expectations of Adult Children. *European Journal of Population*. 2024. Vol. 40. No. 1. P. 35. DOI [10.1007/s10680-024-09724-4](https://doi.org/10.1007/s10680-024-09724-4).
7. Zhang Ruijuan, Gao Xiujuan, Liu Jinju, Xiao Ting. Zhōngguó shēngyù zhīchí zhèngcè: xiànzhuàng yǔ zhǎnwàng [China's Fertility Support Policies: Current Situation and Prospects]. *Rénkǒu xuékān* [Population Journal]. 2025. Vol. 47, No. 3. Pp. 45–86. DOI [10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002](https://doi.org/10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.002). (In Chinese).

8. Du Yang, Cheng Jie, Qu Yue. Shēngyù zhíchí zhèngcè de zhōngyāng shìquán yǔ dǐngcéng shèjì [Pro-natalist Policies: Central Government Responsibilities and Top-Level Design]. *Rénkǒu yánjiū* [Population Research]. 2024. Vol. 48, No. 2. Pp. 3–16. (In Chinese).
9. Yang Juhua. Jiāting jiégòu bā dà zhuǎnbiàn yǔ zhèngcè huíyīng [Structural Transformation of the Chinese Family and Policy Responses]. *Rénkǒu xuékān* [Population Journal]. 2025. Vol. 47, No. 1. Pp. 33–48. DOI 10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.01.003. (In Chinese).
10. Sun Juanjuan, Tian Jiayin, Chen Yuxin. Tídài háishì bǔchōng? Jūjiā yǎnglǎo fúwù duì Zhōngguó lǎoniánrén dài jì zhíchí de yǐngxǎng xiàoyīng [Substitute or Supplement? The Impact of Home-based Care Services on Intergenerational Support of Chinese Older People]. *Rénkǒu yánjiū* [Population Research]. 2023. Vol. 47, No. 6. Pp. 35–50. (In Chinese).
11. Cai Yumei, Chen Gong. Jiāting yǎnglǎo yǎli duì chūyù niánlíng de yǐngxǎng [The Influence of Family Caregiving Pressure on the Age at First Childbearing]. *Rénkǒu xuékān* [Population Journal]. 2025. Vol. 47, No. 3. Pp. 37–49. DOI 10.16405/j.cnki.1004-129X.2025.03.003. (In Chinese).
12. North, D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p. DOI 10.1017/CBO9780511808678. ISBN 978-0-521-39734-6.
13. Lesthaeghe, R. The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation – A Global Update. *Genus*. 2020. Vol. 76. Article 10. DOI 10.1186/s41118-020-00077-4.
14. Lu Quan. Zhōngguó de jiāting jiégòu biànciān yǔ jiāting shēngyù zhíchí zhèngcè yánjiū [Research on Changes in China's Family Structure and Family Fertility Support Policies]. *Zhōnggòng Zhōngyāng Dǎngxiào (Guójiā Xíngzhèng Xuéyuàn) xuébào* [Journal of the Party School of the Central Committee of the C.P.C. (Chinese Academy of Governance)]. 2021. Vol. 25, No. 5. Pp. 93–99. (In Chinese).
15. Guo Lin, Gao Zizi. “Lǎo yǒu suǒ yǎng” jiāting zhíchí zhèngcè tǐxì de wánshàn: jīyú “zīyuán-fúwù” shìyù xià de jiāting yǎnglǎo gōngnéng [Improving the Family Support Policy System for “Providing for the Elderly”: Family Old-Age Support Functions from a “Resources–Services” Perspective]. *Zhōngguó xíngzhèng guǎnlǐ* [Chinese Public Administration]. 2022. No. 10. Pp. 99–108. (In Chinese).
16. Bai Weijun, Li Hui. “Lǎo yǒu suǒ yǎng” jiāting zhíchí zhèngcè tǐxì de gòujiàn [Building a Family Support Policy System for “Providing for the Elderly”]. *Zhōngzhōu xuékān* [Academic Journal of Zhongzhou]. 2020. No. 7. Pp. 69–75. (In Chinese).
17. Lü Hongping, Zou Chao. Shíshí “quánmiàn liǎng hái” hòu jiāting zhíchí zhèngcè gǎigé yǔ wánshàn yánjiū [Research on the Reform and Improvement of Family Support Policies after the Implementation of the “Universal Two-Child” Policy]. *Rénkǒu yǔ fāzhǎn* [Population & Development]. 2018. Vol. 24, No. 2. Pp. 71–78. (In Chinese).
18. Maistrenko, G. A., Maistrenko, A. G. Family Policy of the PRC: Historical View and Present Condition. *Education and Law*. 2019. No. 8. Pp. 330–334. (In Russ.).
19. Kashina, M. A. Modernization of Family in Russia and China: The Role of the Government. *Administrative Consulting*. 2020. No. 8(140). Pp. 175–190. DOI 10.22394/1726-1139-2020-8-175-190. (In Russ.).
20. Kuzmenko, E. B., Skvortsova, I. A., Tereshkova, N. S. Osobennosti vzaimootnosheniy v kitayskoy sem'ye [Features of Relationships in the Chinese Family]. *Moloday Uchenyy* [Young Scientist]. 2015. No. 19 (99). Pp. 99–102. (In Russ.).
21. Sivintseva, O. V. Pronatalist Turn in China: A Return to Traditional Family Values or a New Reality? *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019. Vol. 13, No. 3. Pp. 54–67. DOI 10.17072/2218-1067-2019-3-54-67. (In Russ.).
22. Wei, Z. *Semeynaya politika v KNR (upravlencheskiy aspekt)* [Family Policy in the PRC (Managerial Aspect)]: specialty 22.00.08 “Sociology of Management”: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences, 2019. 203 p. (In Russ.).
23. Li Shuzhuo, Xu Jie, Zuo Dongmei, Zeng Weihong. Nóngcūn lǎoniánrén de shēngjì, fúzhǐ yǔ jiāting zhíchí zhèngcè: yī gè kě chíxù shēngjì fēnxī kuàngjià [Livelihood and Wellbeing of Rural Elderly and Family Support Policy: A Sustainable Livelihood Framework]. *Dāngdài jīngjì kēxué* [Modern Economic Science]. 2017. Vol. 39, No. 4. Pp. 1–10. (In Chinese).

Bio notes

Olga D. Vorobyeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1304-3715](https://orcid.org/0000-0003-1304-3715); RSCI SPIN-code: [6059-0372](https://elibrary.ru/6059-0372); Web of Science Researcher ID: [H-9920-2016](https://orcid.org/H-9920-2016); Scopus Author ID: [57202602806](https://orcid.org/57202602806).

Song Xiuyan, Postgraduate Student, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: songxiuyan1004@gmail.com; ORCID ID: [0009-0009-8980-2934](https://orcid.org/0009-0009-8980-2934).

Received on 30.03.2026; accepted for publication 06.07.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.